
ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ДЕТСТВА
EVIDENCE-BASED APPROACH IN THE FIELD OF CHILDHOOD

Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки

Бусыгина Н.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinat@mgppu.ru

Засимова А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

В статье представлены возможные основания для типологизации практик в сфере детства. Обсуждаются недостатки ориентации на универсальный принцип иерархии методологий в процессе обоснования и экспертизы практик и обосновывается тезис о необходимости определения типа практики для выбора дизайна исследований, стратегии ее доказательного обоснования и экспертного оценивания ее доказательной базы. Выделены и описаны следующие основания для типологизации практик: 1) стадии «жизненного цикла» практики; 2) задачи практики в связи с динамикой развития социального риска; 3) условия осуществления практики (степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, уровень контроля над изменениями); 4) масштаб реализации практики. Показано, как выбор исследовательской методологии может осуществляться и оцениваться в соответствии со степенью зрелости практики, ее центральными задачами, стратегиями и уровнем их реализации. Отмечается, что для развития сферы детства в доказательном ключе не только практическая работа нуждается в постоянном научно-исследовательском сопровождении, но и исследовательский аппарат нуждается в постоянной корректировке и перенастройке в связи с особенностями практики.

Ключевые слова: доказательный подход в сфере детства, типология практик, динамика развития социального риска, структурная рамка условий осуществления практики, уровни реализации социальных технологий, исследовательские методологии.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 21.01.2022 № 073-00110-22-01 «Научно-методическое обеспечение единого подхода внедрения социальных (в т.ч. образовательных) практик с доказанной эффективностью в части реализации мероприятий Десятилетия Детства».

Для цитаты: Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Засимова А.В. Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2—3. С. 10—23. DOI:10.17759/ssc.2022030201

How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency

Natalia P. Busygina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatiana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Anastasia V. Zasimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

The article presents possible grounds for the typology of practices in the Child welfare field. Authors discuss the limitations of the idea about the hierarchy of methodologies in the context of studying social technology efficiency and note that it is the type of practice that determines the research design and the strategy of verifying its evidence. The following grounds for the typology of practices are identified and described: 1) stage of the “life cycle” of practice; 2) objective of practice in relation to the social risk dynamics; 3) strategy due to the uncertainty about cause-effect and control over outcomes; 4) level of practice implementation. It is shown how the research methodology can be chosen and evidence can be evaluated depending on the practice development stage, practice objectives, practice strategies and practice implementation level. It is concluded that evidence-based practice requires constant interaction between science and practice, and it is necessary to develop and adjust the research tools so that they are sensitive to the peculiarities of practice.

Keywords: evidence-based practice, typology of practices, social risk dynamics, framework for social performance, practice implementation level, research methodology.

Funding. The reported study was funded by the Ministry of Education of Russia, project No. 073-00110-22-01 dated 21.01.2022 “Scientific and methodological support of a unified approach to the implementation of evidence-based practices in social work and education in the context of implementing the activities of the Decade of Childhood”.

For citation: Busygina N.P., Podushkina T.G., Zasimova A.V. How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency. *Social'ny'e nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2022. Vol. 3, no. 2—3, pp. 10—23. DOI:10.17759/ssc.2022030201 (In Russ.).

Введение

Пришедший из доказательной медицины доказательный подход в настоящее время стал ведущим трендом в области социальных, психологических и образовательных

практик [1; 2; 3; 6; 11; 12]. Вкратце, суть его состоит в установлении принципа опоры на фактические данные (доказательства эффективности) при формировании рекомендаций и распространении методов и технологий практической работы [5; 15].

Появление и развитие доказательного подхода многими авторами расценивается как парадигмальный сдвиг, значительно изменивший содержание и структуру практик [12]. Сегодня от специалистов сферы детства требуется, чтобы результаты их практической работы были измеримыми, они могли представить научно-фундированное обоснование своей деятельности и руководствовались данными исследований при выборе предпочитаемых методов и приемов работы [10; 11; 19].

В целом у специалистов-практиков есть интерес к доказательному подходу и, как показывают многочисленные исследования, проведенные в разных странах, они готовы применять его на практике [9; 13; 14; 17; 20; 22]. Проблема, с которой они сталкиваются, состоит в том, что те исследовательские подходы, на которые обычно ориентируется академическое сообщество (с четкой операционализацией переменных, применением стандартизованных методик их измерения и экспериментального дизайна), далеко не всегда могут быть использованы для исследования эффектов практик (в силу объективных особенностей практической деятельности и диктуемых ею ограничений) либо не могут дать специалистам информацию, в которой те нуждаются. В доказательных исследованиях практик принимается в качестве образца тип клинических исследований в медицине, однако он нередко вступает в противоречие с центральными принципами практической социальной и психологической работы, с которыми лучше согласуются качественные и неэкспериментальные исследования, характерные для социальных наук, чем количественные экспериментальные исследования в медицине.

В большинстве руководств по доказательному подходу принята иерархия доказательств и методологий, с помощью которых они были получены [6; 18]. Наивысший уровень доказательности приписывается рандомизированным контролируемым исследованиям и их систематическим обзорам, далее следуют квазиэкспериментальные исследования без процедур рандомизации, а нижние строчки занимают качественные исследования, наблюдения, анализ случаев и т.п. Вместе с тем в последние годы многие авторы ставят под вопрос сам принцип иерархии методологий применительно к области доказательных исследований в социальной сфере. В методологической литературе подчеркивается, что у любых дизайнов есть возможности и ограничения и проведение доказательных исследований каждый раз требует их взвешенной оценки для выбора приемлемой для данной практики в данных условиях исследовательской стратегии [16; 21; 23].

Вопросы, которые встают перед исследователями, принимающимися за оценку эффектов практики (и, далее, перед экспертами, оценивающими уровень ее доказательной базы), следующие: Есть ли основания для выбора исследовательского дизайна? Существуют ли ориентиры, на которые можно было бы опираться как в ситуации проведения доказательных исследований, так и в ситуации дальнейшей экспертной верификации полученных доказательств?

В статье мы предпринимаем попытку представить такие ориентиры, очертив типологию практик. На наш взгляд, принятие решений о выборе исследовательской методологии, а также об оценке адекватности, надежности и полноты доказательной базы практики может опираться на определение ее типа. Мы выделяем несколько возможных оснований типологизации практик: 1) стадии «жизненного цикла» практики; 2) центральная задача практики в связи с динамикой развития социального риска; 3) условия

осуществления практики (степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, контроль над изменениями); 4) масштаб реализации практики. Далее мы кратко описываем каждое из обозначенных оснований и показываем, как задаваемый ими тип практики может направлять выбор соответствующей методологии исследования ее эффектов.

Основания возможной типологии социальных практик и стратегии доказательных исследований

«Жизненный цикл» практики

Социальная практика обычно создается в связи с необходимостью разрешить определенную проблему — как ответ на некоторый запрос от социальной реальности. «Верные решения» появляются далеко не сразу, их появлению предшествует длительный этап проб и ошибок, проверок предлагаемых решений в разных условиях. Проходит довольно много времени, прежде чем сложится работающий механизм и будут сформированы выверенные инструменты практической деятельности. И лишь такая — уже вполне сложившаяся практика, технология или программа помощи — может быть подробно описана и представлена так, чтобы ее можно было распространять и тиражировать.

Итак, «жизненный цикл» практики начинается с осознания некоторой проблемы, поиска и проверки решений (этапы инновационной и пилотной практики), после которых приходит время исследований ее эффектов и институционализации (этапы устоявшейся и масштабируемой практики) (рис. 1). Задачи, которые приходится решать разработчикам практики, зависят от ее «уровня зрелости», или стадии ее «жизненного цикла». Соответственно, если говорить о разработке и развитии практики в доказательном ключе, на разных стадиях «жизненного цикла» практике требуется разная форма исследовательской поддержки, у которой также будут свои задачи в зависимости от стадии. На первых этапах разработчикам необходимо взаимодействовать с запросом, переформулировать его на язык практических действий, выстроить возможные способы (алгоритмы, модели) их реализации и опробовать на практике, по ходу внося в них коррективы и предпринимая шаги по их оптимизации. Наиболее важная исследовательская задача на этом этапе — изучение самой проблемной ситуации: причинно-следственных связей, существенных контекстов, реальных потребностей социально-уязвимых групп. Для ее решения можно привлекать представителей академического сообщества либо специалисты-практики могут решать ее своими силами, опираясь на собственные исследовательские компетенции. На начальных стадиях развития практики разработчикам также необходимо проанализировать имеющийся опыт работы с актуальной проблемой, чтобы, во-первых, проанализировать сильные и слабые стороны существующих практик, а во-вторых, проверить, есть ли эффективные инструменты разрешения интересующей их проблемы и можно ли что-либо из уже разработанного использовать в собственной работе.

По мере становления практики наиболее важными становятся другие задачи. Специалистам необходимо прояснять, каким образом и почему работают (или не работают) ее отдельные элементы, как они сочетаются между собой, какие именно действия являются необходимыми и достаточными для появления желаемых изменений в жизненной ситуации целевых групп. Соответственно, исследования на этом этапе должны быть нацелены на раскрытие условий, предпосылок и внутренних механизмов этих изменений. На этом

этапе практика должна быть алгоритмизирована и описана, теоретически обоснована и представлена в виде некоторой технологии, которой в дальнейшем можно будет обучить других специалистов.

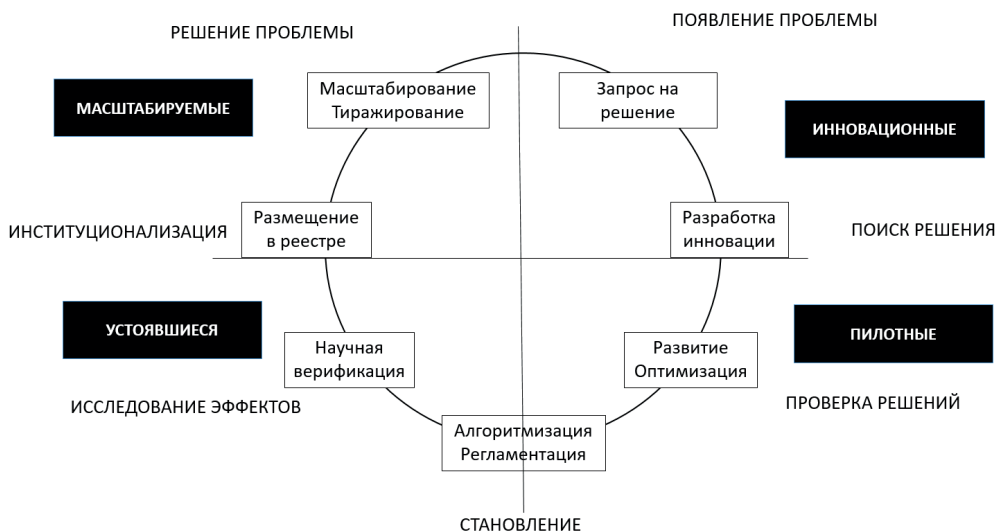

Рис. 1. «Жизненный цикл» социальной практики

На следующих этапах разработчикам практик необходимо систематизировать процесс ее работы и подготовить практику к тиражированию. Именно на этих этапах эффекты воздействий должны быть тщательно изучены и проверены: необходимо четко очертить область реальных изменений и их характеристики, установить границы применения практики. С этой целью проводятся внутренние и независимые внешние исследования влияния практики на благополучателей, определяются результаты и отсроченные эффекты ее применения.

Таким образом, можно говорить о необходимости научного сопровождения практики на протяжении всего ее «жизненного цикла»: ее доказательное проектирование требует постоянного включения исследовательских инструментов в процесс работы специалистов. Еще раз обратим внимание на то, что исследования оказываются встроены в круг задач, актуальных для каждого из этапов развития практики. На наш взгляд, доказательные исследования практик не ограничиваются исследованиями эффективности уже работающей практики, они включают в себя и исследования по прояснению проблемы, раскрытию механизмов изменений, определению условий достижения желаемых результатов и др. Собственно исследования эффективности актуальны лишь для поздних этапов развития практики, однако эмпирические свидетельства того, что практика «работает», специалисты собирают и на более ранних стадиях, правда, делают они это, как правило, при помощи более «мягких» — качественных и неэкспериментальных — методологий. И это, на наш взгляд, необходимо учитывать при экспертизе практики, а также при планировании ее возможной научной поддержки со стороны академического

сообщества. Три статуса практик, которые можно выделить в связи со стадией их развития (инновационные, пилотные, устоявшиеся), требуют разных стратегий обоснования (рис. 2) и, соответственно, разных подходов при их экспертной оценке.

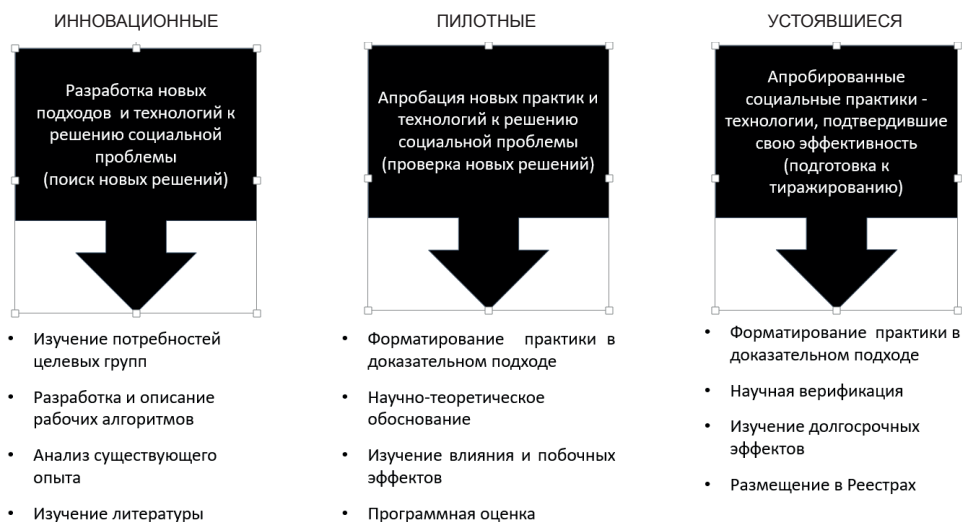

Рис. 2. Стратегии доказательного обоснования практик в зависимости от их типа

Задачи практики в связи с динамикой развития социального риска

Второе основание, задающее тип практики, имеет отношение к динамике развития социального риска и задачам, которые ставит перед собой практика в связи с ней. Динамика развития социальных рисков обычно следующая: от ситуации, когда риск существует лишь в потенциальной форме, к возникновению и реализации риска в виде тех или иных форм социально-психологического неблагополучия и далее — к необратимым последствиям уже реализованного риска (рис. 3). На разных фазах динамики развития социального риска возможны и необходимы профессиональные интервенции, однако их содержание, цели и задачи, а также возможные результаты существенно различаются. От того, с какой фазой социального риска предполагают работать специалисты, зависят, во-первых, сложность, комплексность, длительность интервенции и, во-вторых, требования к их квалификации. Очевидно, что в результате работы с разными фазами динамики развития социальных рисков могут быть получены изменения разного уровня, и для их исследования потребуется выбор и разработка методологического инструментария, чувствительного к изменениям того или иного уровня.

В зависимости от того, с какой фазой развития проблемы работают специалисты, их центральной задачей становятся профилактика, сопровождение в кризисной ситуации, экстренная помощь в острой ситуации или минимизация вреда (рис. 4). Известно, что именно профилактика, работа на предупреждение рисков является наиболее эффективной с точки зрения решения социальных проблем, однако измерить такую эффективность весьма непросто, поскольку симптомы проблемы еще не проявились и, соответственно, не будет и ярких изменений, которые можно было бы принять за результаты

практического воздействия. Тем не менее оценить результаты профилактической работы можно с точки зрения того, насколько специалистам удастся реализовать предполагаемый механизм сдерживания рисков.

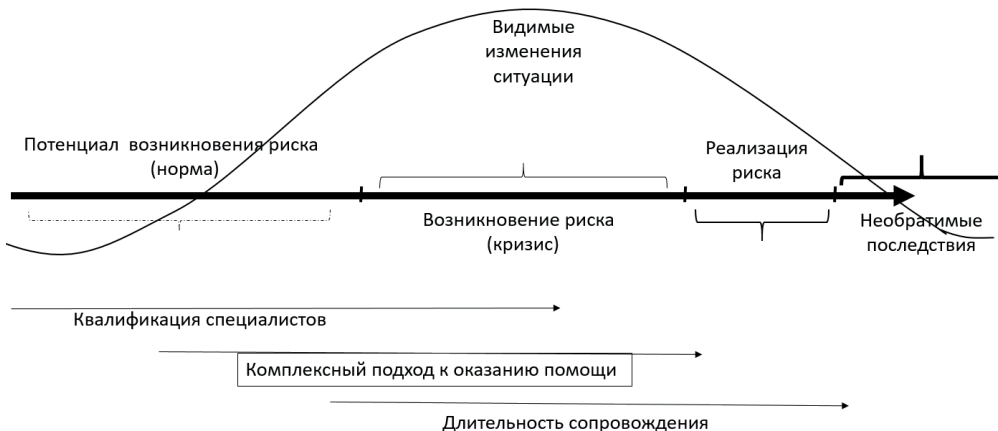

Рис. 3. Динамика развития социальных рисков

С похожими трудностями при измерении эффективности сталкиваются специалисты, работающие в зоне необратимых последствий уже реализовавшихся рисков — к таким практикам можно отнести, например, программы паллиативной помощи, реабилитации несовершеннолетних и их родственников в ситуации химической зависимости, ресоциализации подростков, совершивших правонарушение и т.п. В этих случаях можно фиксировать лишь косвенные признаки, свидетельствующие о минимизации вреда, переживаемого участниками. Практики же, предлагаемые для работы в ситуациях выраженного кризиса, напротив, могут оцениваться на основе прямых измерений влияния воздействия на выраженность симптомов социально-психологического неблагополучия.

Рамка условий социального действия: степень сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом и уровень контроля над изменениями

Практики можно дифференцировать в зависимости от условий их осуществления. На наш взгляд, удачную концептуализацию условий предлагает А. Эбрахим [7; 8]. Автор выделяет два измерения: первое — степень сложности и неопределенности причинно-следственных связей

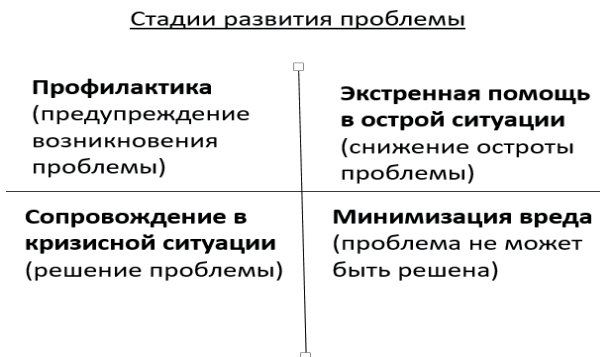

Рис. 4. Типы практик в зависимости от работы с той или иной фазой развития проблемы

между деятельностью и результатом; второе — контроль над изменениями. В ряде практик связь между деятельностью и эффектом относительно отчетлива и линейна (например, практика, нацеленная на устройство в семьи конкретных детей, оставшихся без попечения родителей, предполагает, что к эффекту — устройству в семью — приводит непосредственно деятельность специалистов). В других же практиках эта связь неочевидна, есть высокая вероятность действия большого числа иных факторов (сюда относятся, например, практики, нацеленные на работу с причинами, по которым дети остаются без попечения родителей: уменьшение количества детей, оставшихся без попечения родителей, может быть результатом действия множества факторов, вклад деятельности специалистов в такое изменение трудно отследить). Второе измерение — контроль над изменениями — так же имеет две градации: низкий уровень и высокий уровень. Предполагается, что контроль более низкий, если специалисты сосредотачиваются на очень конкретной задаче (например, помощь в устройстве ребенка в семью), и более высокий, когда необходима координация специалистов, выполняющих разные функции (например, не только устройство в семью, но и оказание комплексной психологической и социальной поддержки семьям с приемными детьми).

Четыре квадранта, полученные в результате пересечения описанных измерений, задают разные стратегии практической деятельности (рис. 5). В квадранте *нишевой стратегии* располагаются практики с конкретным алгоритмом действия или практики по типу экстренной помощи, горячих линий и т.п., которые работают лишь на достижение немедленных результатов (сколько детей пристроено в семью, какое количество консультаций проведено и т.п.), соответственно, от них нельзя ожидать работы на устойчивые социальные изменения (например, нельзя оценивать работу телефона доверия по тому, уменьшается ли количество суицидов в регионе). В квадранте *интегрированной стратегии* — практики, занимающие несколько ниш, соответственно, их оценка требует измерения более мощных в социальном смысле результатов (например, требуется не просто фиксация количества устроенных в семью детей, но и измерение их благополучия). В квадрант *эмерджентной стратегии* попадают практики по защите прав, лоббированию интересов детей и т.п. Их деятельность по преобразованию общественных институтов и норм не вписывается в линейную логику: если, например, наблюдается изменение отношения в обществе к гражданским правам, и именно на это долгое время работали конкретные практики, можно ли сказать, что это непосредственно их заслуга, ведь в таких случаях мы всегда имеем дело с комплексными сдвигами? К квадранту *эко-системной стратегии* можно отнести практики, нацеленные на социальные преобразования и системные изменения, ставящие перед собой задачи влияния на национальную и международную политику (например, практики, связанные с поддержкой определенных инициатив в образовании или в сфере благополучия детей).

Очерченная А. Эбрахимом структурная рамка условий дает возможность более внимательно анализировать уровень эффектов, на которые рассчитывают разработчики тех или иных практик — работают ли они на достижение немедленных результатов, промежуточных или устойчивых социальных изменений. Такой анализ позволит специалистам делать более качественные обоснования своих практик, а экспертам — более реалистично их оценивать.

Кроме того, в свете модели А. Эбрахима определение типа практики позволяет ответить на вопрос, какие именно методологии доказательных исследований являются для нее наиболее адекватными. Можно ожидать, что в случае сложного характера отношений

между деятельностью и эффектами (комплексной теории изменений) для оценки значимых социальных эффектов экспериментальные методы будут далеко не лучшим выбором из-за принципиальной невозможности контролировать множество факторов, влияющих на результат. Экспериментальные методы оценки эффектов хорошо работают в случае отчетливых причинно-следственных связей между деятельностью и эффектом (сфокусированной теории изменений). В случае же комплексной теории лучше выбирать другие методы, например, методы отслеживания (картирования) промежуточных изменений (outcome mapping) и определения наиболее значимых изменений, методы, позволяющие получать обратную связь от различных аудиторий, системный анализ и др. Как справедливо замечает А. Эбрахим [7], хотя подобные методы менее популярны, чем экспериментальные, они тем не менее представляются весьма перспективными, поскольку помогают преодолевать трудности, связанные с оценкой результатов в сложном и непредсказуемом мире.

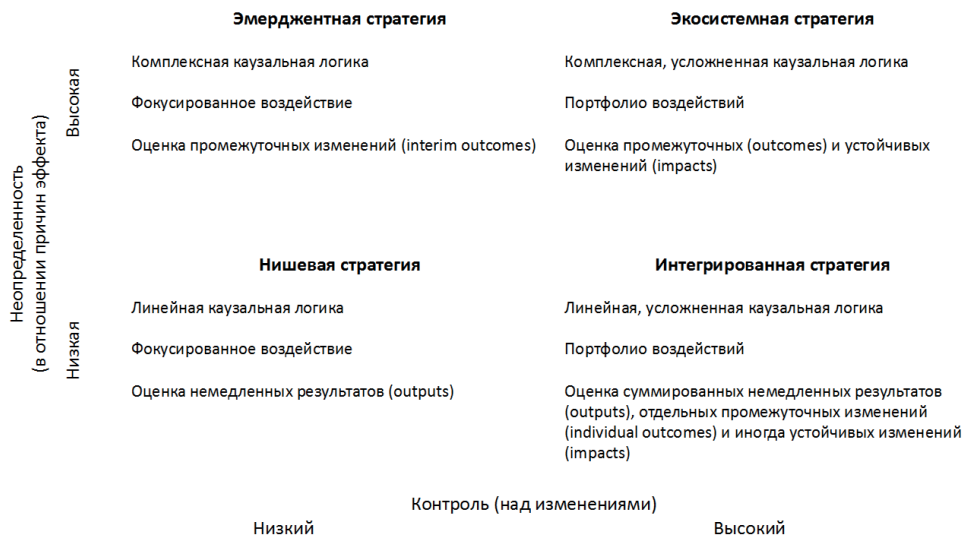

Рис. 5. Рамка условий социального действия [7]

Масштаб реализации практики

Еще одно основание для типологизации практик — масштаб реализации практики — мы заимствуем у авторов, придерживающихся многоуровневого подхода к технологиям социальной работы [4]. Практики могут быть реализованы:

- на *микроуровне*, в этом случае они направлены на оказание помощи и решение проблем отдельных индивидов и их семей; сюда можно отнести индивидуальное и семейное психологическое консультирование, социальный патронат семьи и т.п., а также практическую работу с уникальными случаями и проблемами, пока не имеющими аналогов в профессиональном опыте специалистов;
- на *мезоуровне*, в этом случае практики адресованы отдельным социальным группам, как правило, социально-уязвимым; к таким практикам относятся программы сопровождения приемных семей, социализации подростков, реабилитации детей с ОВЗ и т.п.;

- на *макроуровне*, такие практики направлены на достижение изменений на уровне общества в целом; их спектр достаточно широк — это различные федеральные программы и информационные кампании в сфере детства, практики организации среды, обеспечивающей интеграцию в социум тех или иных уязвимых групп, например, практики, нацеленные на развитие инклюзивной образовательной среды в средней и высшей школе, реформирование системы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, и т.п.

Очевидно, что к социальным и образовательным практикам, которые планируется реализовать на макроуровне и тиражирование которых поддерживается государством и/или крупными организациями, должны предъявляться более высокие требования, от них уместно ожидать доказательную базу, собранную на основе проведения рандомизированных контролируемых исследований независимыми командами. Для обоснования локальных практик в определенной тематической области достаточно исследований, выполненных в более «мягких» дизайнах — на основе интервью и этнографических наблюдений, исследований с участием бенефициаров и т.п.

Выводы

Представления о том, что доказательные исследования любой практики должны ориентироваться на экспериментальный дизайн, большие выборки, строгие измерения переменных и т.п. (так называемый естественно-научный подход), игнорируют разнообразие статусов практик, обусловленных уровнем их развития, решаемыми ими центральными задачами, разработанными в них стратегиями работы и масштабом их реализации.

При планировании исследований, в процессе доказательного обоснования, а также в ходе последующей экспертной оценки доказательной базы практики необходимо учитывать, с какой именно практикой мы имеем дело. Представленная типология практик может служить ориентиром при выборе исследовательских стратегий и доказательном обосновании практики, а также при проведении ее экспертизы.

Выбор исследовательской методологии должен осуществляться и оцениваться в соответствии со степенью зрелости практики, центральными задачами, на решение которых она направлена в связи с динамикой развития социальных рисков, а также в соответствии с условиями осуществления практики (степенью сложности причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, уровнем контроля над изменениями) и масштабом ее реализации.

На наш взгляд, движение навстречу друг другу исследователей и практиков является не только важнейшим принципом философии доказательного подхода, но и условием его применимости в социальной сфере. Практическая работа нуждается в постоянном научно-исследовательском сопровождении, однако и исследовательский аппарат также нуждается в постоянной корректировке и перенастройке в связи с особенностями той или иной практики. Безусловно, можно описать несколько типов «рекомендованных исследовательских дизайнов», ориентируясь на представления об иерархии методологий (и такие описания действительно имеют место), однако мы полагаем, что подобные руководства вряд ли способствуют развитию социальных практик в доказательном ключе, поскольку отражают, скорее, знания, правила и желания научного сообщества, чем его готовность к совместной со специалистами-практиками работе по улучшению служб, занятых в сфере детства. На наш взгляд, для академического сообщества, принимаю-

щего на себя роль экспертов в оценке качества практик, было бы более продуктивным занять позицию, допускающую гибкое использование различных исследовательских методологий в изучении эффектов практик и поддерживающую инновационные разработки в практической деятельности.

Литература

1. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в образовании: критический анализ актуальных дискуссий [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (дата обращения: 27.12.2022).
2. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (дата обращения: 27.12.2022).
3. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Фрейк Н.В. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2021. Том 2. № 1. С. 7—23. DOI:10.17759/ssc.2021020101 (дата обращения: 27.12.2022).
4. Фурсов М.В., Студенова Е.Г. Технология социальной работы. М.: КНОРУС, 2016.
5. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of Understanding Evidence-based Practice in Social Work: A Qualitative study // British Journal of Social Work. 2014. Vol. 44. P. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198
6. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
7. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019.
8. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance // California Management Review. 2014. Vol. 56(3). P. 118—41. DOI:10.1525/cmr.2014.56.3.118
9. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based Practice in Social Work: Perceptions and Attitudes among Norwegian Social Workers // European Journal of Social Work. 2018. Vol. 22. P. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.144113
10. Gambrill E.D. Evidence-based Practice: An Alternative to Authority-based Practice // Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services. 2018. Vol. 99(3). P. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole-Thompson Learning, 2003.
12. Gray M., Plath D., Webb S.A. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London, Routledge, 2009.
13. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about evidence: a study of social workers' attitudes towards evidence-based practice // Journal of Social Work. 2013. Vol. 14. P. 23—40. DOI:10.1177/1468017313475555
14. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based Practice and Knowledge Utilisation — a Study of Attitudes and Practices among Social Workers in Germany // European Journal of Social Work. 2018. Vol. 22. P. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475
15. McCracken S.G., Marsh J.C. Practitioner Expertise in Evidence-based Practice Decision Making // Research on Social Work Practice. 2008. Vol. 18(4). P. 301—310. DOI:10.1177/1049731507308143
16. Parkhurst J.O., Abeyasinghe S. What Constitutes “Good” Evidence for Public Health and Social Policy-Making? From Hierarchies to Appropriateness // Social Epistemology. 2016. Vol. 30(5—6). P. 665—679. DOI:10.1080/02691728.2016.1172365

17. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards Evidence-based Practice of Professionals Working with Children and Adolescents with Autism Spectrum Disorder in Bangladesh // Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research. 2022. Vol. 49. P. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2
18. Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006.
19. Soydan H. Evidence and Policy: The Case of Social Care Services in Sweden // The Policy Press. 2010. Vol. 6(2). P. 179—193. DOI:10.1332/174426410X502301
20. Scurlock-Evans L., Upton D. The Role and Nature of Evidence: A Systematic Review of Social Workers' Evidence-based Practice Orientation, Attitudes, and Implementation // Journal of Evidence-Informed Social Work. 2015. Vol. 12. P. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014
21. Upshur R.E.G., Van Den Kerkhof E.G., Goel V. Meaning and Measurement: An Inclusive Model of Evidence in Health Care // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2001. Vol. 7(2). P. 91—96. DOI:10.1046/j.1365-2753.2001.00279.x
22. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and Attitudes towards Evidence-based Practice in a Dutch Social Work Organization // Journal of Evidence-Based Social Work. 2019. Vol. 16. P. 245—260. DOI:10.1080/23761407.2019.1584071
23. Ward T., Haig B.D., McDonald M. Translating Science into Practice in Clinical Psychology: A Reformulation of the Evidence-Based Practice Inquiry Model // Theory & Psychology. 2022. Vol. 32(3). P. 401—422. DOI:10.1177/09593543211059816

References

1. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevsky V.V. Dokazatel'nyi podhod v obrazovanii: kritichesky analiz aktual'nykh diskussiy [Evidence-based Approach in Education: Critical Analysis of Current Discussions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 162—176. DOI:10.17759/psyedu.2021130410 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
2. Busygina N.P., Podushkina T.G., Stanilevsky V.V. Dokazatel'nyi podhod v sotsial'noi sfere: osnovnye ponyatiya i printsipy, istoriya, perspektivy [Evidence-based Approach in the Social Area: Basic Concepts, Guidelines, History, Prospects] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2020. Vol. 1, no. 1, pp. 8—26. DOI:10.17759/ssc.2020010101 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
3. Busygina N.P., Podushkina T.G., Freik N.V. Registry praktik kak mekhanizm dokazatel'noy sotsial'noy politiki v sfere zashchity detstva: analiz mezhdunarodnogo opyta [Registers of Practices as an Evidence-Based Social Policy Mechanism for Child Welfare: An Analysis of International Experience] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 7—23. DOI:10.17759/ssc.2021020101 (Accessed 27.12.2022). (In Russ.).
4. Firsov M.V., Studenova E.G. Tekhnologia sotsial'noy raboty [Social Work Technology]. Moscow: KNORUS, 2016. (In Russ.).
5. Avby G., Nilsen P., Dahlgren M.A. Ways of Understanding Evidence-based Practice in Social Work: A Qualitative study. *British Journal of Social Work*, 2014. Vol. 44, pp. 1366—1383. DOI:10.1093/bjsw/bcs198
6. Drisko J., Grady M. Evidence-Based Practice. New York: Springer, 2012.
7. Ebrahim A. Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World. Stanford University Press, 2019.
8. Ebrahim A., Rangan V.K. What Impact: A Framework for Measuring the Scale and Scope of Social Performance. *California Management Review*, 2014. Vol. 56(3), pp. 118—41. DOI:10.1525/cmr.2014.56.3.118

9. Ekeland T., Bergem R., Myklebust V. Evidence-based Practice in Social Work: Perceptions and Attitudes among Norwegian Social Workers. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 611—622. DOI:10.1080/13691457.2018.1441113
10. Gambrill E.D. Evidence-based Practice: An Alternative to Authority-based Practice. *Families in Society: The Journal of Contemporary Human Services*, 2018. Vol. 99(3), pp. 283—294. DOI:10.1177/1044389418786699
11. Gibbs L.E. Evidence-Based Practice for the Helping Professions: A Practical Guide with Integrated Multimedia. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole-Thompson Learning, 2003.
12. Gray M., Plath D., Webb S.A. Evidence-Based Social Work: A Critical Stance. London: Routledge, 2009.
13. Gray M., Joy E., Plath D., Webb S.A. Opinions about Evidence: A Study of Social Workers' Attitudes towards Evidence-based Practice. *Journal of Social Work*, 2013. Vol. 14, pp. 23—40. DOI: 10.1177/1468017313475555
14. James S., Lampe L., Behnken S., Schulz D. Evidence-based Practice and Knowledge Utilisation — a Study of Attitudes and Practices among Social Workers in Germany. *European Journal of Social Work*, 2018. Vol. 22, pp. 763—777. DOI:10.1080/13691457.2018.1469475
15. McCracken S.G., Marsh J.C. Practitioner Expertise in Evidence-based Practice Decision Making. *Research on Social Work Practice*, 2008. Vol. 18(4), pp. 301—310. DOI:10.1177/1049731507308143
16. Parkhurst J.O., Abeyasinghe S. What Constitutes “Good” Evidence for Public Health and Social Policy-Making? From Hierarchies to Appropriateness. *Social Epistemology*, 2016. Vol. 30(5—6), pp. 665—679. DOI:10.1080/02691728.2016.1172365
17. Pervin M., Hagmayer Y. Attitudes towards Evidence-based Practice of Professionals Working with Children and Adolescents with Autism Spectrum Disorder in Bangladesh. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*, 2022. Vol. 49, pp. 861—880. DOI:10.1007/s10488-022-01205-2
18. Roberts A.R., Yeager K.R. (Eds.). Foundations of Evidence-Based Social Work Practice. Oxford University Press, 2006.
19. Soydan H. Evidence and Policy: The Case of Social Care Services in Sweden. *The Policy Press*, 2010. Vol. 6(2), pp. 179—193. DOI:10.1332/174426410X502301
20. Scurlock-Evans L., Upton D. The Role and Nature of Evidence: A Systematic Review of Social Workers' Evidence-based Practice Orientation, Attitudes, and Implementation. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 2015. Vol. 12, pp. 369—399. DOI:10.1080/15433714.2013.853014
21. Upshur R.E.G., Van Den Kerkhof E.G., Goel V. Meaning and Measurement: An Inclusive Model of Evidence in Health Care. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2001. Vol. 7(2), pp. 91—96. DOI:10.1046/j.1365-2753.2001.00279.x
22. Van der Zwet R.J., Beneken genaamd Kolmer D.M., Schalk R., Van Regenmortel T. Views and Attitudes towards Evidence-based Practice in a Dutch Social Work Organization. *Journal of Evidence-Based Social Work*, 2019. Vol. 16, pp. 245—260. DOI:10.1080/23761407.2019.1584071
23. Ward T., Haig B.D., McDonald M. Translating Science into Practice in Clinical Psychology: A Reformulation of the Evidence-Based Practice Inquiry Model. *Theory & Psychology*, 2022. Vol. 32(3), pp. 401—422. DOI:10.1177/09593543211059816

Информация об авторах

Бусыгина Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Подушкина Татьяна Геннадиевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Засимова Анастасия Валерьевна, психолог, ведущий аналитик Центра доказательного социального проектирования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Information about the authors

Natalia P. Busygina, PhD in Psychology, Assistant Professor, Department of Counselling and Clinical Psychology, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2344-9543>, e-mail: boussyguina@yandex.ru

Tatiana G. Podushkina, psychologist, Head of the Sector, Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Anastasia V. Zasimova, psychologist, lead analyst, Center for Evidence-Based Social Design, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5220-0504>, e-mail: zasimova@bk.ru

Получена 11.11.2022

Принята в печать 30.11.2022

Received 11.11.2022

Accepted 30.11.2022